

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2017-3-200-208

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭТИКА БЫЛИНЫ

Статья 3

© *Игумнов Андрей Георгиевич*

доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: anigumnov@mail.ru

Статья посвящена манифестации эмпирического начала в ремарках и комментариях сказителя. Утверждается, что самыми простыми и очевидными случаями реализации этого начала представляются те из них, в которых сказитель выражает удивление или восхищение действиями, действиями или состояниями персонажей, которые не соответствуют явным и самоочевидным данностям обыденной эмпирики, или, иными словами, эмоционально реагирует на нарушения эмпирики, о которых сам только что спел. Выглядит естественным, что, описав какое-то действие персонажа, противоречащее эмпирике, сказитель может не только восхититься им, но и подыскать ему вполне эмпирически достоверное или квазидостоверное объяснение. Приводятся случаи, когда сказитель посчитал нужным дать вполне эмпирическое объяснение неудачи богатыря, каковую он по своей богатырской природе не должен был допустить, и когда сказителю пришлось подыскивать эмпирическое объяснение решения «старого казака» (Ильи Муромца), привычного для богатырской системы ценностей (и понятной для исследователя), но совершенно не согласующегося со взглядами сказителя, живого человека, на жизнь. Не может сказитель обойти вниманием и то, что какие-то действия могут требовать большого времени, что удаленный предмет виден хуже, чем близкий, что, наконец, человеку приходится согласовывать свои планы и действия с «погодными условиями». В приведенных случаях личность сказителя остается фактически в тени, но он способен и более открыто обращаться к своему жизненному опыту и мнению об объективной действительности.

Ключевые слова: былина; актуальная поэтика; сказительские ремарки и комментарии; эмпирическое начало.

В настоящей статье продолжается исследование, начатое в [1; 2]; материалом для нее по-прежнему послужили первый и второй тома «Былины Севера» [Аст. I, II]. Общая логика исследования состоит в попытке проследить по комментариям и ремаркам сказителей, какие качества былинной поэтики им самим представляются важными. В двух предыдущих статьях было показано, что таковыми качествами являются, прежде всего, необходимость завершенности сказываемого текста, осознание (сказителем) хронологической дистан-

ции между моментом действия и моментом сказывания о нем и информационная исчерпанность повествования,

Однако для введения в настоящую статью сказанного недостаточно. Нужно вернуться к двум более ранним статьям, посвященным эмпирическому началу в архитектонике фольклорного текста: лирической необрядовой песни, былины и былины в сопоставлении с исторической песней [3; 4]. Общий их пафос состоял в попытке показать, что значение традиционной семантики для фольклорного текста иногда преувеличивается в ущерб эмпирическому началу. Естественно, при этом особое внимание уделялось не эмпирическому началу как таковому, но именно его соотношению с началом внеэмпирическим (порожденным в том числе и традиционной семантикой).

Говоря об эмпирическом начале в архитектонике фольклорного текста, естественным образом должно прежде всего решительно возразить против обвинений в вульгаризации, определить, что можно и нужно понимать под «эмпирическим» и в каких компонентах текста собственно эмпирическое усматривать. Надеюсь, однако, что и первая, и вторая, и третья задачи будут решены по ходу изложения, да иначе невозможно.

Самыми простыми и очевидными случаями реализации эмпирического начала в ремарках и комментариях представляются те из них, в которых сказитель *выражает удивление или восхищение* *статьями, действиями или состояниями персонажей, которые не соответствуют явным и самоочевидным данностям самой что ни на есть обыденной эмпирики*. Или, иными словами, эмоционально *реагирует на нарушения эмпирики* (о которых сам только что спел). Во избежание терминологической неясности заметим сразу: сказитель часто восхищается собственными гиперболами или удивляется им, но гипербола тоже ведь есть нарушение эмпирики.

- (1)
... На коня скочил* да в стремена вступил,
Да как не видели побезжки лошадиныя,
А не видели поездки бохатырския
(Как птица улетел!).

[Аст. I, № 11, ст. 151–153].

- (2)
Тут старый выскочил из погреба.
(Сорок сажень погреб был, выскочил еще выше.)

[Аст. I, № 12, ст. 111].

- (3)
Они рубили силу нунь без вывету,
Не мало не много — двенадцать дён
(Ишь ведь дело!)
Не пиваючи и не едаючи,
И опочив они не держали
(Без отдыха без всякого. И ничего они не держали, не спали).

[Аст. I, № 12, ст. 274–275].

* В этом и подобном случаях совершенно не важно, кто именно и почему имена персонажей не указываются.

- (4)
 Вот он собрался: «Дай мне, мама, коня и всё вооружение: латы бохатырские» (*сам двенадцати лет*)...
 [Аст. I, № 40, стр. 291].
- (5)
 ... А курёва-то стоит, дым столбом валит,
 А пламя-то ведь пашет бытто огненно.
 (Дородно едет!)
 [Аст. I, № 43, ст. 64–65].
- (6)
 ... Они ехали день с утра до вечера
 И не могли до оратая доехать
 (Вот как далеко было слышно!).
 [Аст. II, № 154, ст. 28–29].
- (7)
 ... Он завидел во поле рать великую,
 Да не малу не велику ровно сорок тысячей.
 Сосчитал он всех людей до единого,
 Не оставил и единого не счисленного
 (Сорок тысяч человек было, а всех сосчитал!).
 [Аст. I, № 95, ст. 132–135].
- (8)
 Василий, узнав об избииении своей дружины, выбегая со своего двора
 Да вышиб двери среди двора
 (Никаки оковы не помогли).
 [Аст. I, № 14, I, ст. 281].
- (9)
 Задунай (Дунай) идет по крыльцу,
 Да ступень да ступеня от ёво огибаетце
 (Бычок же от видно был!)...
 [Аст. I, № 45, ст. 64]
- (10)
 ... Только видели молодцыков сядуци,
 Да не видели молодцыков едуци.
 (Вот какие кони были!).
 [Аст. II, № 154, ст. 22–23]
- (11)
 Шапоцька на нём сорочинская в тридцать пуд, шелапуга подорожная в пятьдесят пуд. (*Вот какие, братцы, раньше хаживали, да какие тяготы раньше нашивали!*).
 [Аст. II, № 212, стр. 597].
- Выглядит естественным, что, описав какое-то действие персонажа, противоречащее эмпирике, сказитель может не только восхититься им, но и подыскать ему вполне эмпирически достоверное или квазидостоверное объяснение.
- (12)
 Илья Муромец по пути к Киеву
 С горки на горку попрыгивает
 (Лёгкой он был, костылём обопрётца, дак может десять сажен)...
 [Аст. II, №, 124, ст. 55].

Здесь стоит заметить, что сказитель либо забыл о «башмачках-скороходах», взятые Ильей у «калеки перехожей» чуть ранее, либо просто не знает, что это такое; скорее, все-таки забыл.

В одном случае сказитель посчитал нужным дать вполне эмпирическое объяснение (знакомое всем) неудачи богатыря, каковую он по своей богатырской природе не должен был допустить.

(13)

Дунай во время состязания с Настасьей королевичной в стрельбе,
Первый раз он недострелил,
Второй раз он перестрелил
(Пьяненький, видно, был).

[Аст. I, № 46, ст. 159]

Необходимость в таком объяснении вполне понятна. Ранее, сватая у «короля ляховинского» «Опраксею королевичну», Дунай в полной мере выказал богатырские достоинства. Дунай с Добрыней «они брали тотаровой за ноги...» и т. д. Но стоит заметить, что сказитель явно не чувствует, что проигрыш Дуная композиционно совершенно необходим. В противном случае сюжет просто не мог бы завершиться известной трагической развязкой. Проигрывая и не желая этого признать, Дунай стреляет в Настасью, убивая ее и своего нерожденного сына.

В другом, и тоже единичном, случае сказителю пришлось подыскивать эмпирическое объяснение решения «старого казака» (Илья Муромца), привычного для богатырской системы ценностей (и понятной для исследователя), но совершенно не согласующегося со взглядами сказителя, живого человека, на жизнь.

(14)

«Старой казак» (Илья Муромец), выбирая на росстани одну дорогу из трех, рассуждает и решает:

– На что мне на стары дни женату быть,
А на что мне на стары дни богату быть?
А вот я лучше поеду по дороге премоезжей,
Лучше мне живому не быть.
(Не было у него родных, тридцать лет сидел калеккой).

[Аст. I, № 48, ст. 8–11].

Вероятно, сказитель поддался языковой инерции: «я *лучше* поеду — «*лучше* мне живому не быть», почему ему и пришлось подыскивать объяснение внезапно возникшим суицидальным намерениям своего персонажа.

Не может сказитель совсем обойти вниманием закономерности и данности «объективной физической природы»: что какие-то действия могут требовать больше времени; что удаленный предмет виден хуже, чем близкий (*sic!*); что, наконец, человеку приходится согласовывать свои планы и действия с «погодными условиями».

(15)

«Бояре толстобрюхие», судя по тексту, ввиду несметного вражеского войска, подошедшего к Киеву,

Попросили сроку на три года

Не дават поганый Издолищо на три месеца.

«Попросите сроку на три месеца!»

Не дават ведь сроку на двенадцать дён

(Войска нет, где скоро завернешь?*

Ишь сколько чудовищ было!).

[Аст. I, № 12, ст. 154–157].

Из дальнейшего ясно, что под «завернешь» сказитель имел в виду необходимость «за двенадцать дён» «объехать всю вокруг землю», чтобы «захватывать по украинам всёх русских могущих бохатырей», но очевидна и необходимость для этого мероприятия значительного времени, что сказитель и счел нужным отметить в своей ремарке.

(16)

Маринка Кайдаловна при приближении кораблей Льва Володовича

... Как увидела она черны корабли карабли,

Замыкала стену да городовую,

Подкопы копала, да подземельние

(Уж у ей раньше верно приготовлено было).

[Аст. I, № 15, ст. 60–62].

Замечательно, что практически мгновенное «копание» этих подкопов не вступило бы в противоречие с былинной поэтикой. Но сказитель М. Г. Антонов, обремененный своим жизненным опытом, счел предположить, что подкопы приготовлены были «раньше»; он и вообще любит ремарки разного рода.

(17)

Илья Муромец отвечает на вопрос, какой дорогой он ехал:

— Уж я ехал дорожкой премоезжую,

Заросла дорожка ровно тридцать лет,

А еще не было проезду молодецкого.

Я проехал из Чернигова от заутрени,

Я проехал в Киёв-град да как к обёденки.

(Кругом то надо ехать было три месяца.)

Они тогда и засмеялись все...

[Аст. I, № 39, ст. 89–93, 94].

(18)

Дочери Соловюшка Рахматьева обсуждают, кто кого везет: «татушка» — мужика, или мужик — Соловья. Младшая дочь, «бросившись в окошечко», возражает старшим, увидевшим желаемое, но не действительное:

** Здесь подчеркнут фрагмент ремарки, нужный в данный момент.

«А мужик-от едет — отца везёт»,
(Близко стало — так видит).

[Аст. I, № 95, ст. 195].

Сказитель здесь явно не удовлетворился фольклорной формулой «младшая сестра превосходит старших» (или «не владел ею») и внес излишнее эмпирическое объяснение, но это-то и показательно.

(19)

При попытке дружины увезти тело Василия Буслаева на «черлене носаде»
буря

Рвёт-дерёт тонки парусы.
(Пришлось опять на гору отнести.)
Понесли они его назад на гору...

[Аст. I, № 14–2, ст. 656–657]

Здесь сказитель комментирует самоочевидное, не удовлетворившись лаконичностью текста в данном случае. Заметим также, что и сама «буря» эмпирически мотивирует захоронение Буслаева именно на Сорочинской горе, а не где-нибудь в Новгороде или ином месте. Дело в том, что мотивировка захоронения Буслаева на месте гибели для сюжета вовсе не обязательна. Например:

Тогда дружина закручинилась, запечалилась... Тогда они взяли его тут похоронили и на корабль дошли, корабль шибко побежал... и т. д.

[Аст. I, с. 343].

В приведенных выше случаях личность сказителя остается фактически в тени. Но он способен и более открыто обращаться к своему жизненному опыту и мнению об объективной действительности (каковые, по сути, сугубо эмпиричны, но не теоретичны, даже если он говорит «думаю»).

(20)

... Сонливый хвастат коньми добрыми
(Ведь о конях тоже забота надо: раньше вставать, да поить, да кормить — то и кони добры)...

[Аст. I, № 18, ст. 10].

Здесь сказитель, тот же М. Г. Антонов (см.: (16)), явно разрушает былинную формульность (что в этом эпизоде текста ему присуще, см. [2, (6) — d]), и причины этого понятны: жизнь оказалась важнее и сильнее формулы.

(21)

... Дал приворотницам по золотой по денежке,
И припустили на высок терем
(Вот, перед золотом-то всё расступится).

[Аст. II, № 101, ст. 103–104].

О какой-либо морализации здесь говорить, конечно, не приходится. Сказитель лишь расширяет смысл эпизода, ставя ему в параллель факт реальной действительности; при этом, конечно, не важно, приходилось ли ему самому быть участником подобной ситуации или хотя бы ее свидетелем. Для него это факт действительности.

(22)

... Скочил скоренько на резвы ноги,
Садился в тот час на добра коня
(Видишь, сразу садился на коня, не говорится, чтоб седлал, значит как на заставы он был, так у границы это, ну и не распрягаў ево, было по-форменному. А то пелось бы, что седлал коня)...

[Аст. II, № 109а, ст. 398–399].

Любопытно, что текст исполнен женщиной — Н. С. Богдановой, которой не приходилось служить на заставе. Но отсутствие в тексте эпизода седлания коня, мотивированное фабульной ситуацией — Добрыня должен поспешать на свадьбу своей жены, потребовало от сказительницы эмпирически достоверного объяснения, почему Добрыня все-таки не седлает коня, тем более, что путь ему предстоит неблизкий — «из чиста поля ко Кееву ко хороду».

(23)

Она изводила молодчов, они извели ю, Маришку ту, не сказали начальству.
(Я думаю, что надо было это дело подать в суд.)

[Аст. II, № 113, стр. 109].

Здесь опять же неважно, судилась ли сама Н. С. Богданова, но институт судопроизводства для нее факт действительности и именно эмпирической: юриспруденцию она не изучала.

Сказитель может столкнуться также с необходимостью «подправить» былинную формулу, противоречащую эмпирике дальнейшего повествования.

(24)

... И выпивает он чару на один дух.
А спустил он обручальный перстень
В чашу зелена вина
(Немного не допил)
И говорит княгини:
«Допьёшь до дна, увидаешь добра...»

[Аст. II, № 129, ст. 103–105, 106, 107].

Сказитель может столкнуться также с необходимостью внести элемент эмпирической достоверности в собственные слова.

(25)

Тут кончали жись Дунай Иванович и Лизавета Никулична,
Нихто не зная, нихто не ведая
(Да уж узнали потом, быдто нет?),
Тым былина покончилась.

[Аст. II, № 110, ст. 469–470].

Наконец, стоит привести два случая, когда эмпирическое начало выступает во всей своей возможной наглядности.

(26)

Вот тогда старой козак поехал в стольной Киев-град. (*Раз поехал, нужно доехать.*)

[Аст. I, № 93, с. 505].

Алеша Попович привязывает коня
Ко тому-то столбу ко точёному,
Ко тому кольцу да золочёному
(Ведь без столба кольца-то нет.).

Обращение к былинным публикациям, в которых тщательно отмечаются все ремарки и комментарии сказителей, существенно расширило бы количество возможных примеров реализации в сказительских ремарках и комментариях эмпирического начала. Но важнее, думается, задаться несколько более общим вопросом, а именно — о соотношении эмпирического и внеэмпирического начал в разных жанрах или, особенно, у разных исполнителей. Но это предмет отдельного исследования.

Принятые сокращения

Аст. I. — Былины Севера / зап., вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1938. — Т. 1. — 656 с.

Аст. II. — Былины Севера / подг. текста и коммент. А. М. Астаховой. — М.; Л., 1951. — Т. 2. — 848 с.

Литература

1. Игумнов А. Г. Актуальная поэтика былины. Ст. 1 // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — Вып. 2. Филология. — С. 191–200.

2. Игумнов А. Г. Актуальная поэтика былины. Ст. 2 // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — Вып. 5. Филология. — С. 199–211.

3. Игумнов А. Г. Эмпирическое в поэтике русского песенного фольклора // Традиционная культура. — 2007. — № 4. — С. 40–51.

4. Игумнов А. Г. Эмпирическое в архитектонике былины // Вестник Читинского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 88–93.

CONTEMPORARY POETICS OF BYLINY

Article 3

Andrey G. Igumnov

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof., Senior Researcher, Department of Literature and Folklore,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the manifestation of the empirical principles in comments and remarks of the narrator. It is argued that the simplest and most obvious cases of realizing this principles are those in which the narrator expresses surprise or admiration for the features, actions or states of the characters that do not correspond to the explicit and evident facts of everyday empiricism, or, in other words, he emotionally responds to

empiricism of violations in bylina, which he just have performed. It seems natural, that after describing some character action which is contrary to empiricism, the narrator not only admires it, but also finds an empirically valid or quasi-reliable explanation to it. There are cases when the narrator considers it necessary to give a completely empirical explanation of the bogatyr's failure, which he by his very nature should not allow. And the narrator have to search for an empirical explanation of the "Old Cossack's" (Ilya Muromets) decision, inherent for the heroic value system (and understandable for the researcher), but completely inconsistent with the views of the narrator. The last can not ignore the fact that some actions may take a long time, that the distant object is seen worse than the close one, that, finally, the person has to adapt his plans and actions to "weather conditions". In the above mentioned cases, the personality of the narrator in fact stays in the shadows, but he is able to appeal to his life experience and opinion about the objective reality more openly.

Keywords: bylina, actual poetics, narrative remarks and commentaries, empirical principles.